

ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ.

(Продолженіе.)

II.

Александрополь, 1 июня 1854.

Была прогулка на одинъ только день.

Рано утромъ 29 мая, часть пѣхоты и большая часть кавалеріи начали переходить за Арпачай, на легкихъ. Мостъ былъ уступленъ пѣхотѣ съ артиллеріей; кавалерія перетянулась въ бродъ. Поднявшись на гребень противоположнаго берега, казаки направились, съ начальникомъ кавалеріи, по нижней карсской дорогѣ, на Пирвали и Огузлы. Турецкіе пикеты, торчавшіе далеко впереди, исчезли. Солнце было уже высоко, когда подтянулась къ намъ пѣвучая пѣхота и подѣхалъ князь Бебутовъ. Поздоровавшись, онъ хвалилъ день. Это былъ, дѣйствительно, одинъ изъ лучшихъ весеннихъ дней. Начальникъ кавалеріи высказалъ сожалѣніе, что въ такой прекрасный день некого битъ. «А можетъ быть и будетъ кого», отвѣчалъ князь съ своей всеглашной улыбкой: «турецкій авангардъ недалеко, и надобно взглянуть, что они тамъ затѣваютъ». Отрядъ тронулся и часа черезъ два подошелъ къ сел. Тихнису. Вотъ онъ наконецъ, этотъ

черный замокъ Тихнисъ, что рисуется на всю окрестность и трювожить воображеніе всякаго прѣзжаго въ Александрополь. Замокъ на высотѣ, а село внизу, какъ барскій домъ и барскіе имѣнія на Руси. Да оно такъ, вѣроятно, и было въ дни оны. Эта высота, идущая оттуда, отъ Карса, откуда всё онѣ идутъ, здѣсь изогнулась серпомъ и образовала котловину, на дни которой течетъ Карханчай, притокъ Арпачая. Здѣсь всё рѣчки кончаются на — чай, какъ въ поэзіи Тредьяковского всё стихи на — енна. Чай значитъ рѣка. Высота, у ногъ которой льется чай Карханчай, лежитъ порогомъ поперекъ нижней карсской дороги. Вся окрестность, сколько глазомъ обнять можно, представляется волнующимся моремъ. Но волненіе неровно: здѣсь и тамъ оно становится широкимъ валомъ, а тамъ и сямъ вскакиваетъ крутымъ буруномъ. Въ какую бы сторону вы ни двигались, вы будете подниматься на гору или спускаться въ долину. Растительность по скатамъ и удоламъ удивительная: траву уже можно косить; а давно ли сошелъ снѣгъ? Но человекъ такая брюзга, что вездѣ найдетъ недостатки; ему ужъ если медъ, такъ и ложкою. Здѣсь онѣ непременно придерется и скажетъ, что, для украшенія страны и удобствъ ея обитателя, недостають лѣсовъ и садовъ. Дѣйствительно, всё эти горы и холмы ободраны донага, а удола пусты: нигдѣ ни деревца, ни кустарника.

У сел. Тихниса пѣхота расположилась на привалѣ съ кашею. Пѣхота любитъ комфортъ и скоро его находитъ, не то, что наша гордая, высоко поднимающая пыль, но — увъ! — часто бѣдствующая и голодающая кавалерія. Бросивъ взоръ зависти на пѣхоту, наша кавалерія перешла Карханчай и съ княземъ Бебутовымъ продолжала движеніе по карсской дорогѣ. Мы поднялись по длинному изволуку на техническую высоту. Отсюда до самаго Карсчая, версты на четыре, мѣстность лежала легкимъ покатомъ, съ рѣдкими вправо и лѣво холмами. По ту сторону Карсчая опять бульваръ. Мы остановились, не добравъ немного до Карсчая. Вдали, правѣ Башъ-Кадыкъ-Лара, чуть-чуть бѣлѣлъ турецкій лагерь, въ которомъ, по слухамъ, было до десятка баталіоновъ — по ихнему дабуровъ — пѣхоты и человекъ тысяча иррегулярной сирійской конницы, считающейся лучшею. Скоро мелькавшій въ туманѣ лагерь исчезъ. Онѣ снялся. По дорогѣ къ намъ показались облака дыма. Скакала конница. Князь Бебутовъ долго стоялъ на холмѣ, не сводя глазъ съ мѣстности, гдѣ былъ усмо-

тритъ неприятельскій лагерь. Его взоръ переносился чрезъ знакомое башъ-кадыкъ-ларское поле. Наконецъ онѣ сложилъ трубу, сказалъ окружающимъ: «видѣли, господа?» и приказалъ давать коня. Скомандовано налѣво кругомъ, и мы пошли назадъ къ Тихнису. Едва мы спустились къ Карханчаю, какъ на пикетахъ, оставленныхъ на высотѣ, послышалась перестрѣлка. Начальникъ кавалеріи сѣлъ на коня, подхватилъ три сотни Камкова полка (его были пикеты) и выскакалъ на высоту, къ лѣвой оконечности пикетовъ, куда шла колесная дорога. Здѣсь мы увидѣли весь покать къ Карсчаю покрытымъ сирійскими башибузуками. Мы насчитали у нихъ до десяти байраковъ краснаго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Высококаменные наѣзники гарцовали въ разныхъ направленіяхъ, потрясали гибкими пиками надъ головою; и пестрые плащи взвѣвались у нихъ за плечами. Конскій уборъ звучалъ и черный пукъ страусовыхъ перьевъ у желѣза пикн придавалъ этому оружію грозный видъ. Это было что-то лучше обыкновенныхъ башибузуковъ, что-то въ родѣ мамелюковъ и янычаръ стараго времени Турціи. Большая часть этихъ великолѣпныхъ башибузуковъ горячили цоной и кружились, какъ въ вихрѣ. Остальные наскаквали на пикеты и на разгонную команду. Эта блуждающая комета, Богъ знаетъ какъ, очутилась впереди пикетовъ. Пикетные линейцы показывали товаръ лицомъ — перестрѣливались съ джигитовкою, съ чудесною кавказскою джигитовкою. Разгонная команда дятилась, а, впрочемъ, огрызалась очень бойко: съ нею былъ молодецъ Л-М*.

— А что, Аванасій Федоровичъ, сказалъ, начальникъ кавалеріи полковнику Камкову: — не ударить ли въ шайки?

— Непременно такъ, отвѣчалъ Камковъ, сверкавъ своими маленькими черными глазами: — посмотрите, ваше превосходительство, куда эти животныя дѣзутъ — хотяжъ обскакать наши пикеты съ той стороны.

Башибузуки, дѣйствительно, налегали въ ту сторону. Мы находились у него почти во флангъ. Сотни были остановлены въ всячемъ положеніи, ниже самой поверхности высоты, и не могли еще быть замѣчены неприятелемъ. Ударить было ловко, какъ изъ засады — никто бы на нашемъ мѣстѣ не вытерпѣлъ. Генераль Багговутъ послалъ на бизуакъ сказать, въ какомъ положеніи дѣла, и повелъ три сотни на «уралъ». Въ одинъ мигъ Арабы показали тылъ и вихремъ помчались назадъ. «Чей конь сильнѣе!»

крикнулъ Камковъ по своейски, понатуживъ своего сѣраго бардинскаго шайтана, и мы погнались напускомъ, то есть не боятся уже о томъ, кто опередилъ и кто отсталъ... только землетрясение! Гнались до самаго Карсчая, на пространствѣ четырехъ верстѣ. Немногимъ, однакожь, досталось поработать шашкомъ: арабскіе кони были быстрѣ нашихъ. Только на самой переправѣ кое-кто погрѣлъ руки, у кого лошадь смѣло идетъ въ воду. Не здѣсь преслѣдованіе было остановлено. Перескочивъ на другой берегъ Карсчая, башни-бузукки опомнились и завели перестрѣлку черезъ рѣку. Къ намъ подошли еще три сотни Скобелева и дивизионъ Нижегородцевъ, съ дивизиономъ донской № 7 батареею. Два орудія снялись, трахнули чрезъ рѣку — и башни-бузукское наводненіе исчезло. Въ рукахъ у насъ остались два тяжело раненные Араба. Съ нашей стороны раненъ одинъ только казакъ хоперской сотни, Федоръ Кузьминъ.

Насъ не похвалили за эту бурную атаку. Не доверились — бьютъ, перевернули — бьютъ. У меня ужь пропала и голодь. Не знаю, у всѣхъ ли, но полагаю, что у многихъ видъ крови рождаетъ отвращеніе отъ ѣды.

Когда все спускалось къ бивуаку завтракать, я отправился полюбоваться чернымъ замкомъ Технисомъ и, отдавъ коня вести на бивуакъ, покарбался къ замку. Три вещи: закатъ солнца, осень и развалины, имѣютъ для меня неизъяснимую прелесть. Скажу, подражая извѣстной дилеммѣ, начинающейся съ если бы: если бы я не былъ казаконъ, то желалъ бы быть археологомъ.

Я увидѣлъ грозное и подъ самымъ бухомъ вѣковъ гордо поднимающее голову зданіе. Оно стоитъ на скалѣ, и вотъ почему стоитъ съ такой увѣренностію и съ такимъ показомъ. Это огромный четверугольникъ, съ круглыми башнями по угламъ и по срединѣ каждой стѣны. Внутри два яруса: ихъ, можетъ быть, было и больше. Тяжелые своды отдѣляютъ нижній ярусъ отъ того, что было выше. Внизу еще осталось нѣсколько стѣнъ отъ бывшихъ комнатъ: верхъ совсѣмъ выпотрошенъ. Крутые, совершенно круглые, какъ опрокинутая чаша, своды башенъ прекрасны. Ничего въ нихъ, кромѣ сѣраго, заплеснѣваго камня; но они прекрасны: на нихъ играетъ мысль. Подъ однимъ изъ нихъ летала горлянка или, можетъ быть, другая птичка — нельзя было хорошо ее рассмотреть: ей сѣрый цвѣтъ сливался съ цвѣтомъ камней. Она, да я — только и было здѣсь живыхъ су-

шествъ. Полъ загроможденъ горами обломковъ, изъ которыхъ поросла трава, и мнѣ ужь казалось, что

«Въ травѣ, по камнямъ, змій ползеть....»

Воображеніе чрезвычайно оживляется посреди мрачныхъ и безмолвныхъ развалинъ. Какой-то духъ вамъ шепчетъ: крикни! какъ-то оно будетъ? Вы крикнули, Богъ знаетъ кому и зачѣмъ. Вы окликнули живымъ словомъ это глухое, нѣмое и мертвецки оскалившее вамъ зубы прошедшее. Что жь изъ того вышло? Эхо повторило вашъ голосъ такъ странно, такъ дико, что вы уже усомнились, чтобъ это былъ отголосокъ вашего собственнаго голоса: вамъ чудится... нѣтъ, не чудится, а какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то стонетъ и говоритъ изъ могилы, съ того свѣта. Вотъ вы и встрѣтились глазъ на глазъ съ сказкой, обь упыряхъ, обь оживающихъ мертвецахъ и съ тѣми уродливыми образами, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительномъ мірѣ, но отъ которыхъ вы прятали лицо въ подушку, въ дѣтствѣ.... Нѣтъ, не надобно посѣщать развалины одному: лучше всегда съ кѣмънибудь. Это ничего, что жутко — и въ развѣздѣ иной часъ бываетъ жутко, да съумѣешь себя разважить — а то мерещится, что эта громада камней и почившихъ на нихъ вѣковъ лѣзетъ мѣряться съ вами, и вы кажетесь самому себѣ такимъ маленькимъ, такимъ сверчкомъ, что дѣлается совѣстно. Я же военный человекъ, кричу «ура!» наношу смерть, а тутъ сверчокъ — вотъ тебѣ и разъ! Въ обитаемомъ зданіи, какъ бы оно громадно ни было, никогда такъ не исчезаешь.... Я вышелъ изъ чернаго замка съ такимъ исковерканнымъ расположеніемъ духа, какъ человекъ, которому предложили выйти изъ присутственнаго мѣста за нарушеніе тишины и благоумія. Дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и увидѣвъ солнце, я обрадовался, словно нашелъ потерю. Посмотримъ же теперь твой дворъ, Технисъ-эфенди. Судя по сохранившимся слѣдамъ, замокъ былъ обнесенъ громадною стѣною, съ башнями и воротами. Вокругъ стѣны были извѣщень въ скалѣ ровъ. Съ одной стороны уцѣлѣла часть воротъ. Три четверти арки висятъ въ воздухѣ. Что только можно было оторвать отъ всего этого сооруженія, оторвано и разлито; но отъ того, что осталось, ни одинъ уже камешекъ не можетъ быть отторгнутъ. Камни слились въ бронзу, и вся масса осинится, какъ

сѣрая колокольная бронза. На этихъ оглодкахъ само время мало уже, кажется, свои зубы и арки не доѣло....

Глубоко внизу ворухился муравейникомъ нашъ бивуакъ. Ни всѣхъ мастей паслись по дугу. Тамъ и сямъ поднимался слѣдній дымокъ угасающихъ огней. Солнце лежало уже бокомъ на западѣ. Ударилъ барабанъ. Запѣла теноромъ труба. Встрепенулось, встало на поги, сомкнулось въ ряды. Мы пошли къ александропольскому лагерю. Замокъ Тикнисъ казался темнѣе, при наступленіи сумерекъ. Побывать бы въ немъ эти минуты.

Тамъ же, 2 июня.

Въ улицѣ, гдѣ наша квартира, судьба, какъ нарочно, помстила, двери противъ дверей, точильщика и гробовщика. Оба работаютъ на одного подрядчика—смерть, и у обоихъ работаютъ кипить съ утра до ночи. Точильщикъ оттачиваетъ холодное оружіе драгунамъ и казакамъ; гробовщикъ сколачиваетъ поковки для отъѣзжающихъ за границу земной жизни, по казенной частной надобности, то есть для Русскихъ и Армянъ. Во время войны, и на простой сосновый гробъ смотришь какъ на роскошь: многіе ли изъ насъ удостоятся

Въ тотъ ларчикъ лѣзть,

Гдѣ ни стать, ни съѣсть!

Не прійдетъ ли большей части отправиться въ сырую землю это просто, не лаявши ни въ какіе ларчики!... Наружность гробовщика рѣшительно не отвѣчаетъ его ремеслу: это человекъ чистый, упитанный, открытаго и веселаго вида. Напротивъ, Соломонъ-точильщикъ имѣетъ лицо блѣдное и печальное. Еще болѣе мракъ навѣдуть на него равнобедренный треугольникъ, отдѣляющій правый усъ отъ лѣваго, какъ Саганлуцкій хребетъ отдѣляетъ Карескій пашалыкъ отъ Арзрумскаго. Въ слѣдствіе мнѣ сносили зачатій надъ точиломъ, или просто подъ бременемъ жизни. Соломонъ ходитъ согнувшись и вытянувъ впередъ шею, какъ человекъ, который кочетъ вамъ сказать что-то по секрету. Сей премудрый Соломонъ беретъ значительную дань съ топоровъ, кость, серпантъ и другихъ орудей податнаго вѣсловія; но онъ не беретъ ни пеняшки съ сабелъ, пашекъ и пикъ. Такое безпримѣрное безкорыстіе есть ли слѣдствіе уваженія къ благороднымъ

орудіямъ военныхъ подвиговъ? Вотъ еще что выдумали! Какой же былъ бы онъ послѣ этого премудрый Соломонъ? Нѣтъ, отвергая денежную плату, онъ выпрашиваетъ у командировъ свѣдѣтельства на число сабель и пикъ, отпущенныхъ имъ безвозмездно, единственно для чести русскаго оружія. Если чрезъ его точноло прошло сто полостей, онъ проситъ документъ, какъ это бываетъ иногда съ рублими въ векселяхъ. Значитъ, у него на умѣ: «данга не нада, мындакъ нада». Можетъ быть, и повиснетъ она на его вытянутой впередъ шеѣ, не касаясь груди, какъ виситъ колоколь на колокольной перекладинѣ. Что же тогда скажетъ гробовщикъ?

Тамъ же, 4 июня.

Часть нашего лагеря переведена на турецкій берегъ Арпачая, гораздо ниже александропольской крѣпости, супротивъ мельницы Ванеца. Здѣсь мѣстность возвышеннѣе, воздухъ чище. Теперь, по военному выраженію, мы сѣли на Арпачай верхомъ.

Въ Баяндуръ вышли изъ Арзрумскаго пашалыка 43 семейства Армянъ. Небольшой отрядъ турецкой конницы сопровождалъ переселенцевъ и передалъ ихъ на руки линейнымъ казакамъ Камкова. Новые наши подданные нажаловались Баяндурцамъ, что провожатые Турки, на ночлегахъ, брали взятки съ ихъ женщинъ, на томъ же основаніи, какъ берутъ они плату «за зубы», когда стоятъ по квартирамъ у обывателей. Баяндурцы озлились и хотѣли напасть на турецкій конвой. Казаки должны были вступиться за международное право и едва удержали вооружившихся обитателей Баяндурца. Вотъ какъ натравилъ ихъ башка-набздникъ, превратившій свой жезлъ въ пикъ! Говорятъ, что турецкое правительство дало позволеніе Армянамъ переселиться на нашу сторону по желанію, съ единственнымъ условіемъ оставлять землю и другую недвижимость въ пользу казны. Выходитъ, что Туркамъ не жалъ терять Армянъ.

Тамъ же, 4 июня.

Были съ начальникомъ кавалеріи въ нижегородскомъ лагерѣ, гдѣ занимались облегченной сѣдловкою для драгунъ. Нижегородцамъ это нужно: они наказались съ казаками и, вмѣстѣ, дали примѣръ казакамъ, чѣмъ аги когда-то самородные набздники должны были теперь, при теперешнемъ ихъ расчитаніи и устройствѣ. Я употребила слово наказались въ добромъ зна-

ченія вообще и въ томъ особенно, что Нижегородцы больше на уздечкѣ, чѣмъ на мундштукѣ. Мундштукъ, однако всегда при сѣдлѣ. Бросить бы его совсѣмъ. Атака хороша строимъ, на уздечкахъ — это ураганъ, которому ничто, ни жется, не можетъ противостоять. Лошадь будетъ дышать силою легкихъ, вытянется во всю свою длину и не будетъ надобности желать, чтобы лѣвыя руки у всадниковъ были рублены. Добрыя и понятливыя животныя будутъ держать кучи по навыку, не будутъ относить, ни заносить. У Шапеевъ нѣтъ строеваго навыка, а какъ сжимаются ихъ лошади, когда они идутъ въ шашки, сливаясь въ одного человѣка и достигая нравственно того, до чего стараются доходить искусствомъ фронтовымъ ученьемъ. Лошадь занесетъ, когда скачешь въ одиночку. Драгунскимъ собственно эскадронамъ удобно сохранять строй на уздечкахъ, потому что они вооружены саблѣй. Въ пикинерныхъ эскадронахъ пускай бы оставались мундштуки. На уздечкѣ трудно управиться съ пикою: въ самой храброй рукоудары этого оружія будутъ слабы; десять пикъ боднуть человѣка и не убьютъ его. Подробно и достоверно узнать объ этомъ можно отъ нашихъ Черкесъ. Но главное то, что всадникъ съ ружьемъ, съ пикою и на уздечкѣ гораздо больше терять чѣмъ выигрываетъ. На это не обращаютъ вниманія; но отсюда мнѣ кажется, беретъ начало эта огромная разница въ молодечествѣ между казаками, вооруженными пикою и вооруженными шашкою. Съ длинной пикою человѣкъ дальше отъ противника, это его утѣшаетъ и привязываетъ къ неповоротливому дреколѣю. Но это — самообольщеніе: въ то время, какъ онъ дальше отъ противника, противникъ ближе къ нему. Были у меня пріатели Черкесы, прошедшіе сквозь огонь и воду, носившіе рубцы отъ пикъ и отъ кинжала, и они откровенно мнѣ говорили, что если бы ихъ земляки возили пики, то казаки брали бы ихъ руками, какъ дудаковъ въ гололедипу. Знаешь ли — прибавляли они — какъ наши называютъ казаковъ съ длинными пиками? Камышъ!... Въ разсужденіяхъ о подобныхъ вещахъ обыкновенно приводятъ только тѣ случаи, гдѣ пика торжествовала, но не приводятъ тѣхъ гдѣ она уходила отъ сабли, потому что этихъ послѣднихъ случаевъ не сохраняетъ никакая отечественная исторія. Придетъ, однакожь, время, когда обѣ стороны будутъ выслушаны, и безконечная казачья пика уйдетъ туда, куда ушли рогатки арміи...

Желалъ бы я, чтобы эти мои откровенныя строки попали когда нибудь къ человѣку, много видѣвшему, многое сравнивавшему и собственноручно дравшемуся противъ храброй легкой конницы.

Бесѣдуя о кавалерійскихъ предметахъ, мы пили лагерный чай у дверей палатки князя Ч***, командира Нижегородскаго драгунскаго полка. Солнце заходило, и окрестность Александрополя расцвѣтилась, какъ корабль въ праздничный день. Дивно прекрасна она въ эти минуты, и гдѣ бы я набралъ живописныхъ выраженій, чтобы сохранить ея черты на бумагѣ! И въ такихъ великолѣпныхъ рамахъ такая скверная картина, сирѣчь наши Гумри. Изношенная туфля факира на роскошномъ коврѣ султанскаго гарема. Безобразіе снаружи, нечистота внутри. Рядомъ съ фонтаномъ то, чего нельзя назвать. Гдѣ это видано? Сорь и грязь окружаютъ вялость и лежню Армянна. Это народъ или очень старый, или больной. Онъ не смѣется, не бѣгаетъ. У него даже нѣтъ пѣсни. Но у него есть киса съ червонцами. Пусть же лучше народъ потеряетъ все, да только бы осталась у него пѣсня. Въ трущобахъ Туречины, въ горькомъ плѣну, я услышу ночью пѣсню соотчича, и она будетъ мнѣ голосомъ брата, матери, невѣсты, и мое сердце возвратитъ мнѣ все, что я потерялъ....

А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ и миллионъ.

Говорятъ: много будешь знать, скоро состарѣшься. Но ни изъ чего не видно, чтобы этотъ народъ много зналъ. А, можетъ быть, и зналъ когда нибудь прежде. Чего не знаешь, почему знаешь? говоритъ Топшамуръ-Ага, когда хочетъ слухавить.

Тамъ же, 6 іюня.

Изъ глубокой долины Арпачая поднимается отдѣльный холмъ. Его вершина блеститъ оружіемъ, полощется знаменами, звучитъ молебнымъ дѣніемъ. Это ужъ не въ первый разъ, — это жертвенникъ нашихъ лагерныхъ молитвъ. Жизнь лагеря чиста отъ житейскаго сора; молитва лагеря свята и торжественна. Она торжественна въ самой военной простотѣ своей. Она звучитъ во всеуслышаніе стихіямъ. Ей вторитъ плескъ волны, шумъ вѣтра, голось птицы, витающей въ поднебесьи. Безконечная снѣга

дажь кругомъ расширеть смыслъ словъ ея въ самую вѣчно.
Молящійся — налицо предъ Богомъ; его слышитъ Богъ....

Молились всѣмъ лагеремъ за побѣду, одержанную надъ Тур-
ми авангардомъ нашего гурійскаго отряда, близъ Озургеть. У
шихъ три баталіона, съ ополченіемъ храбрыхъ Гурійцевъ, побѣ-
десять тысячъ Турокъ, взявъ у нихъ два орудія, нѣкоторые
феи и большую добычу. Князь Бебутовъ не могъ быть сего-
на молебствіи, по нездоровью. Парадъ принималъ начальникъ
кавалеріи. Храбрый генералъ не хотѣлъ обыкновеннаго цер-
ніальнаго марша: колонны проходили по боевому. И нуж-
было посмотрѣть въ глаза солдатамъ!...

Не только конница, но и пѣхота любитъ А. О. Буггову.
Его издали узнаютъ даже молодые солдатки, только что при-
бывшіе изъ Россіи. Онъ не пройдетъ и не пробѣдетъ мимо со-
датскаго кружка, чтобъ не бросить добраго и веселаго слова
и всегда такъ складно, такъ въ рифму, что яркій лучъ заиграетъ
на лицахъ солдатъ, и потомъ во всей ротѣ ходитъ изъ устъ
уста красное словцо генерала Бугговута.

Тамъ же, 9 іюня.

Линейцы полка Камкова занимаютъ Баяндуръ и держатъ
пикеты на той сторонѣ Арпачая, къ Тихнису. Туда же дѣлаютъ
фуражировки изъ нашего заарпачайскаго или анти-ванецкаго
лагеря. Туркамъ, какъ видно, жаль стало травы, и они придви-
нули свои пикеты близко къ Тихнису. Сегодня Камковцы въ
большой досадѣ: баши-бузуки угнали у нихъ артельнаго вер-
блюда. Скобелевцы зло смѣются: ахъ, вы, камковщина! вер-
блюда проспали. Они повторяютъ извѣстную исторію о летучкѣ,
потерянной казакомъ тамъ, гдѣ онъ слѣзаль съ коня. Бѣдня-
бундюкъ, для того ли ты перенесъ свои горбы подъ казацкии
сухарями чрезъ Кавказскій хребетъ, чтобъ широкіе шальвары
баши-бузука насмѣялись надъ ними! Начальникъ кавалеріи по-
требовалъ отъ Камкова объясненіе—въ шутку, разумеется. «Хо-
тя отъ васъ я не имѣю еще донесенія, но командиръ трехъ со-
тенъ успѣшилъ довести до моего свѣдѣнія, что вѣрнннаго
вамъ полка верблюды, издавна возбуждавшій алчную зависть
въ баши-бузукахъ, къ общему прискорбію всей кавалеріи», и
проч. Въ заключеніе приказывалось, при первомъ случаѣ, нака-
зывать баши-бузуковъ строжайшимъ образомъ. За этимъ, кажет-
ся, дѣло не станетъ.

Тамъ же, 12 іюня.

Вчера въ сумерки раздались пушечные выстрѣлы съ Алек-
сандропольской крѣпости — наша бабушка заговорила. Что?
что? зашумѣло все въ городѣ и въ лагерѣ. Побѣда въ Гуріи!

Князь Андрониковъ нарочно открылъ Туркамъ Гурію, чтобъ
заманить ихъ въ западную гористой и лѣсистой мѣстности. Онъ
не пожалѣлъ даже оставить Озургеты, столицу Гуріи. Оставля-
ли и столицу Россіи!... Турки обрадовались и полѣзли, съ про-
стоты, какъ мыши въ ловушку, гдѣ привязанъ на пружинкѣ ку-
сочекъ сала. Вотъ этимъ-то кусочкомъ и были Озургеты. На
него разлакомились даже и всемірные купцы, нынѣ опекуны и
совѣтники Османовъ. Они успѣшили навезти туда своихъ ве-
ликобританскихъ товаровъ и открыть тамъ базары. Но только
что они прибрали кусочекъ въ лапки и дернули его зубкомъ,
какъ князь Андрониковъ и обрушился. 4 іюня онъ напалъ на
тридцатитысячный турецкій корпусъ, стоявшій въ трехъ укрѣ-
пленныхъ лагеряхъ, и вытолкалъ его вонъ изъ Гуріи, а укрѣ-
пленные лагери, со всѣми обозами и запасами, взявъ себѣ. 13 по-
левыхъ орудій, 30 знаменъ и много разнаго добра, въ томъ
числѣ и англійскіе товары, навезенные въ Озургеты, достались
побѣдителямъ. Въ этомъ дѣлѣ убитъ донской полковникъ Хари-
тоновъ, благородно дѣйствовавшій съ своимъ полкомъ. Честная
память храброму!

Тамъ же, 13 іюня.

Его Величество король Виртембергскій почтилъ баши-кадыкъ-
ларскіе подвиги Нижегородскаго драгунскаго, имени Его Высо-
чества наследнаго принца Виртембергскаго полка, пожалова-
ніемъ четырехъ крестовъ военнаго ордена «за неустрашимость и
вѣрность». Одинъ изъ крестовъ назначенъ командиру полка, а
распределеніе остальныхъ трехъ предоставлено жребію. Въ пред-
писаніи объ этомъ сказано было бросить три жребія: одинъ
между командирами дивизіоновъ, другой между командирами
эскадроновъ и третій между субалтернами, такъ, чтобы въ каж-
дую изъ этихъ трехъ категорій офицеровъ досталось по одному
кресту. Бѣленькіе, красивенькіе и очень похожіе на Георгія
крестники занимали все, что еще вѣрить въ свою звѣзду, что не
выдергиваетъ еще бѣлыхъ волосковъ изъ бакенбартъ (въ кото-
рые, сказать въ скобкахъ, погруженъ весь нашъ корпусъ), не
выдергиваетъ, ворча мысленно: ахъ, ты подлець, безсовѣстный,

зачѣмъ лѣзешь на самый передь!... Особенно безпокоитъ третья категория. Кому-то, господа, достанется виртембергскій орденъ? Надеждъ, самыхъ добросовѣстныхъ надеждъ, много, а предметъ ихъ одинъ. Да зачѣмъ же напрасно томиться и мучиться неизвѣстностію? Спросить пишущіе столы — они напишутъ. И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, обратились къ пишущимъ столамъ. Столы писали, красиво и неразборчиво, хуже прищипкаго, а писали... о, изумленіе!... писали разныя фамиліи въ дѣльцевъ надеждъ. И съ какимъ еще пристрастіемъ къ господствующему племени — все на *овъ*. Насталъ рѣшительный день. Всѣ офицеры собрались у полковаго командира. Прибылъ начальникъ кавалеріи. Вынесены жребіи. Списокъ всѣхъ офицеровъ бывшихъ въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, развернутъ. «Господинъ А.» — Въ отсутствіи, на Лезгинской линіи. — «Господа, вынимаю за него.» Жребій вынутъ, развернутъ, и что же? — крестъ! Потому прошло нѣсколько пустыхъ жребіевъ. «Господинъ Б.» — «Въ отсутствіи, на Лезгинской линіи.» Жребій вынутъ опять чужой рукой и равнодушно развернутъ. Что же тамъ? Ужели опять крестъ? Опять крестъ. Двѣ категории лопнуло. Остается третья и самая чувствительная. Разъ два, три, четыре.... все бѣлые жребіи. Ахъ, какъ это несносно, да когда же онъ выйдетъ? уже просили и нѣкоторые изъ тѣхъ счастливецъ, которымъ столы писали. «Господинъ В.» — «На Лезгинской линіи.» Крестъ!... Все кончено. Послѣ мертвого молчанія, наступилъ говоръ, шумъ, смѣхъ, и ни одного поздравленія. Всѣ три креста достались офицерамъ двухъ дивизій новъ отсутствующихъ, а на лицо было ихъ три. Говорите послѣ этого, что судьба не любитъ шутить, что наше равнодушіе или наше томленіе не имѣютъ тайнаго вліянія на событія нашей жизни. А жаль, право: шампанское прѣвадо. Съ отсутствующаго, какъ съ голаго, ничего не возьмешь. Но что же наконецъ сказать о пишущихъ столахъ, которые писали все въ пользу присутствующихъ, а объ отсутствующихъ и не вспомнили? То развѣ, что и они не лучше писали, какъ на нихъ пишутъ многіе оракулы.

Тамъ же, 14 іюня.

День хлопотъ и сборовъ къ походу:ковка лошадей, укладка и пригонка вьюковъ, закупка колбасъ, сыру, сардинокъ, та

баку, сахару, чаю, выборгскихъ кренделей, рому... «Мигирдичъ, пособи, братъ.» «Блавожь, блавожь; дай Богъ блупулушна; Карсу азмощъ, госту на тебе пріедымъ.» «Тамъ ужъ духанъ заведешь, Мигирдичъ!» «Вай, духанъ наа, ей-Богъ на-да.» (Послѣдній слогъ очень долгій!)

Что за примчивая почва — зимнія квартиры! Пика, въ нее воткнутая, пустить корни чрезъ четыре мѣсяца. Вставай, вытаскивай замулившій якорь, поднимай на одинъ вьюкъ всѣ свои потребности, нужды, желанія, привычки, фантазіи, — все, чѣмъ жизнь красна. Сколько этого хлама, и это уже по освидѣтельствованіи въ таможи на чертъ осѣдлой жизни! И этотъ отдѣльный міръ долженъ помѣститься въ двухъ сумахъ да двухъ сумчухахъ, изъ которыхъ дѣлается еще походное ложе, съ помощью двухъ палокъ, куска парусины и бурки. Какже великъ человекъ, который несетъ у себя за спиною всѣ свои нужды, положительныя и искусственныя, весь свой человѣческій эгоизмъ и еще десять дней существованія впередъ, — а тамъ, что Богъ дастъ!

Дневка при дер. Кизиль-чахчахъ, 17 іюня.

Утромъ 15 іюня, оба лагеря поднялись на повозки и на хребты вьючныхъ животныхъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стояли, видны были одни дерновые диваны и завалины палатокъ, въ видѣ четырехугольниковъ. Что-то привязывающее остается на пепелищѣ снявшагося лагеря, — какъ будто тамъ было дома. Оглядываясь невольно и долго смотришь на эти печальные остатки солдатской осѣдлости: бумажки, лоскутки, разбитую бутылку, околышъ фуражки, голенище, распоротый рукавъ. «Маршъ!» И чрезъ нѣсколько минутъ все вышло изъ головы; новый лагерь порхаетъ впереди райскою птичкою, которая заведетъ Богъ знаетъ куда... «Удовольствіе путешествовать — грустное удовольствіе: грустно ѣхать туда, гдѣ знаешь, что никто не ждетъ твоего пріѣзда». Это сказала одна путешественница (*). Намъ нельзя съ нею согласиться: въ ея словахъ есть немножко эгоизма. Для насъ вся прелесть нашего военнаго путешествія въ томъ именно и заключается, что никто насъ не ждетъ, никто не выйдетъ насъ встрѣтить, и что мы сами не знаемъ поутру, гдѣ бу-

(* M-me Staël.
Т. XII. Отд. II.

детъ нашъ ночлеги, когда зайдетъ солнце — въ палаткѣ или въ могилѣ. Ну, да Богъ съ ней! ей не ѣздить по нашей дорогѣ...

Уже нашъ голубой Арпачай, уже наша родная сторонка затаясь позади. Войска съ обозами вытянулись по верхней карсской дорогѣ и на первой полянѣ построились на молитву. Промолимся Богу по русски на турецкой землѣ, и Онъ будетъ съ нами подъ не-нашимъ небомъ. Мы составляемъ главный александропольскій отрядъ, съ корпусною квартирою, и находимся противъ главныхъ силъ азиатской турецкой арміи, въ Карсскомъ пашалыкѣ. Карсъ — дверь въ Анатолію, въ этотъ огромный полуостровъ между Чернымъ моремъ, Босфоромъ и Средиземнымъ моремъ. Боковые наши отряды находятся: правый, ахалцыхскій — противъ Ардагана, гдѣ горы населены воинственными Аджарами, и лѣвый, эриванскій — противъ Банзета и Курдовъ. Здѣсь по опушкѣ Карскаго пашалыка, живутъ Карапанахи, народъ тоже вооруженный и конный. Вотъ какъ огораживается Турецкая имперія. Все основаніе нашихъ военныхъ дѣйствій имѣетъ проистающее отъ Чернаго моря до персидской границы, отъ Чолока до Арарата, 500 верстъ. Гурійскій отрядъ отдѣленъ отъ насъ непроходимой гористой мѣстностию и дѣйствуетъ самъ по себѣ со стороны Гуріи. Онъ поставленъ на одной большой дорогѣ въ Тифлисъ, а мы здѣсь на другой, еще большей.

Вотъ что перешло за Арпачай въ составъ главнаго александропольскаго отряда:

Кавказскаго корпуса.

Грузинскій гренадерскій Его Высочества Константина Николаевича полкъ изъ	4 батал.
Эриванскій Карабинерный Его Высочества Государя Наслѣдника полкъ	4 —
Кавказскій стрѣлковый баталіонъ	1 —
Кавказскій саперный баталіонъ	1 —

18-й пѣхотной дивизіи.

Тулскій пѣхотный полкъ изъ	4 —
Бѣлевскій егерскій	4 —

Итого 18 батал.

Драгунскіе полки.

Тверской Его Высочества Николая Николаевича изъ	10 эск.
Новороссійскій князя Варшавскаго	10 —
Нижегородскій Его Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго	6 —
Итого 26 эск.	

Иррегулярная конница.

Донскаго казачьяго № 4 полка	3 сотни.
Донскаго казачьяго № 20 полка	3 —

Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Сводный полкъ Камкова	6 —
Три сотни Скобелева	3 —

Конно-мусульманскіе полки.

№ 1	5 —
№ 2	5 —
Кабардино-осетинская милиція	4 —
Грузинская милиція	4 —
Охотники изъ Татаръ и Армянъ	2 —

Итого 35 сот.

Артиллерія Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.

Батарейная № 1 батарея	12 оруд.
— № 2	12 —
Легкая № 1 батарея	8 —

18-й артиллерійской бригады.

Батарейная № 4 батарея	12 —
Легкая № 7 батарея	8 —
— № 8	8 —

Казачья конная артиллерія.

Донская № 6 батарея	8 —
— № 7	8 —
Кавказская № 15	4 —

Артиллерійскихъ орудій 80

Двѣ конно-ракетныя команды, сформированныя изъ казаковъ Донскаго № 4 полка, въ каждой по 8 стан.

Конно-ракетныхъ станковъ 16

Обоза колеснаго болѣе 2,000 повозокъ; черводарскихъ выюныхъ лошадей подъ провіантомъ 1,000; выюныхъ лошадей муловъ при войскахъ не менѣе того. Походному коменданту П^{***}, вѣчно одушевленному и вооруженному нагайкою, есть о чемъ похлопотать.

Было уже за полдень, когда кончилось молебствіе и поздравленіе съ походомъ,—поздравленіе, сказанное корпуснымъ командиромъ каждой части войскъ, и каждой—на ея языкѣ. Въ этомъ отношеніи князь Василій Осиповичъ—нашъ закавказскій Митридатъ. Мы сдѣлали небольшой переходъ и ночевали у деревни Молла-Мусса (молла Муссей), на берегу тѣнистаго ручья. До полуночи квакали лягушки, обрадованныя или огорченныя нашимъ приходомъ. Предъ разсвѣтомъ расходились жеребцы мусульманскихъ полковъ. Привязанные за бабку передней ноги къ желѣзному колу, каждый въ одиночку, они рвались одинъ къ другому, оглашая кавалерійскій лагерь цинковымъ ржаніемъ и другими сильно сосредоточенными звуками. Эти карабахскіе жеребцы, съ низкой шерстью и тонкой кожей, очень чувствительны къ холоду: ихъ кутаютъ на ночь въ ковры и войлоки. Для каждаго надо возить особый выюкъ одѣяль. Въ ксерксовою арміи, вѣроятно, такая же была пѣжная конница. Безъ ячменя существовать они не могутъ, и ячмень съ зеленымъ кормомъ воспламеняетъ имъ кровь на зарѣ... пострѣлъ бы ихъ взять!

16 июня, мы перешли на р. Карханчай и стали у деревни Кизиль-чахчахъ (золотой жорновъ). Отсюда до Карсчая, аванпостной линіи турецкой арміи, будетъ верстъ пять. Лѣвѣе насъ остались Тихнисскій замокъ, всюду видимый, и Аргинъ, памятный намъ травлей баши-бузуковъ. Кизиль-чахчахъ—армянская деревня безъ турецкой подмѣси, какъ это здѣсь болѣею частію бываетъ. Народъ вышелъ насъ встрѣтить съ хлѣбомъ—солью и молебнымъ пѣніемъ. Священникъ, въ чалмѣ и ветхихъ ризахъ изъ черной нанки, держалъ евангеліе, на темной крышкѣ котораго блистало серебряное распятіе. Не на нашемъ языкѣ была молитва, а сердце билось для нея открыто. Драгуны и казаки крестились, проѣзжая мимо; офицеры останавливались и прикладывались къ святому евангелію.

Утро этого дня было обворожительное. Солнце обливало золотистымъ свѣтомъ сипія горы, зеленыя поляны и черныя развалины—трауръ византійской цивилизаціи. Воздухъ былъ неподвиженъ и чрезвычайно прозраченъ. Но по свѣтло-голубому

небу разбросаны были легкія бѣлыя облачка, въ видѣ расчесанныхъ клоковъ шерсти. Эти расчесанныя облачка, въ противоположность завитымъ въ кудри, считаются зловѣщими, и не безъ основанія. Было часа два пополудни, когда отрядъ разбилъ палатки: пѣхота—по высотамъ, лежащимъ уступами къ Карханчаю, а кавалерія—на самомъ днѣ карханчайской долины, по урѣзу берега. Она какъ цапля всегда садится близко къ водѣ. Небо начало хмуриться, хмуриться и вдругъ фыркнуло бурей, съ дождемъ и градомъ. Многія палатки по горѣ были опрокинуты. Положеніе чрезвычайно неловкое и досадное: расположиться какъ въ спальнѣ и вдругъ очутиться на площади, въ публикѣ. Ваши домашнія привычки, вкусы слабости,—все выставилось напоказъ. Обнажились невинныя сокровенности палатки, какъ обнажились сокровенности домовъ, когда хромоногий бѣсъ срывалъ съ нихъ крыши. Самоваръ принялъ положеніе муллы, дѣлающаго намазъ на косогорѣ, обращенномъ къ Меккѣ. Чайникъ катится на брюхѣ подъ гору, испуская ароматную влагу, для вашего вопиющаго желудка приготовленную. Постель, убранныя какъ дѣвушка къ вѣнцу, очутилась ни въ селѣ, ни въ городѣ и хочетъ заплакать. А если вы еще недавно прибыли изъ Москвы и любите халать? И небо и земля видятъ васъ въ этой чувствительной туникѣ?... Тутъ ужъ надобно воскликнуть съ Мигриричемъ: «вай, вай! духанъ нада, ей-Богъ, нада!» Не случилось ли вамъ видѣть во снѣ, что вы вошли въ какое-то блестящее благородное собраніе и забыли снять шапку? Вы спохватились ужъ на срединѣ залы, проворно снимаете шапку, снимаете другую, третью, четвертую, и все чувствуете, что шапка у васъ на головѣ—никакъ не снимается. Въ душѣ у васъ дѣлается холодно, въ глазахъ мутно, ноги подкашиваются; вы хотѣли бы бѣжать и не находите силъ... Только подобный сонъ можетъ дать нѣкоторое понятіе объ ужасномъ положеніи очутиться внезапно, вмѣсто палатки, подъ небеснымъ сводомъ, чрезъ полчаса послѣ похода. Драгуны и казаки, которыхъ лагерь стоялъ ниже этихъ несчастій, благословляли судьбу, помѣстившую ихъ на смиренной низменности, и посмѣивались себѣ въ бороду надъ грустною катастрофою высокихъ мѣстъ. Чрезъ полчаса земля была покрыта толченымъ льдомъ; съ высотъ ревели потоки; Карханчай вскипѣлъ и сталъ быстро выходить изъ береговъ. Пришла бѣда и намъ, бѣда, да еще какая! Грѣхъ нашихъ ради—не нашихъ собственно, а зимнихъ квартиръ—пришелъ на

насъ потопъ. Ломай палатки! хватай сѣно! снимай коновязи! труби сборъ!... Сто тысячъ Турокъ, упавшихъ какъ снѣгъ на голову, не произвели бы такой суматохи. Взирая съ высоты великаго бѣдствія, постигшее насъ въ плачевной юдоли, пѣхота могла уже утѣшиться за свои неприятности и посмѣяться лучше нашего, потому, что она смѣялась послѣдняя. Было по колѣно воды, когда мы выбрались изъ котловны на пригорки, а тутъ наступили сумерки и дождь лилъ. Fuge littus suagum! Скольکو торбъ, скребницъ и даже ячменя пожралъ вѣроломный и алчный Карханчай! Теперь будемъ знать, что «съ турецкими рѣчками дружи, а камень за пазухой держи».

Послѣ мокрой и холодной ночи, весело было встрѣтить ясный и теплый день. Отрядъ стоитъ на мѣстѣ и сушится. Князь Бebutovъ и генералъ Багговуть произвели съ казаками рекогносцировку до Карсчай. Съ гребня правого, противоположнаго намъ берега, видны были турецкіе пикеты и за ними вдали, у дер. Суботанъ, турецкій лагерь. Карсчай течетъ въ возвышенныхъ, скалистыхъ и большею частію отвѣсныхъ берегахъ. Перевѣзды чрезъ него возможны въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ проложены дороги, и ихъ стерегутъ Турки. Это настоящій бульваръ нашего театра войны. Взглянувъ на перевѣздъ верхней карсской дороги, у дер. Джюмюшлю (буйволиная), мы спустились къ другому перевѣзду, у дер. Аргинъ, гдѣ Карсчай сдѣлалъ колѣно къ сторонѣ Карханчай. Послѣ нашего весенняго набѣга, Аргинъ сдѣлался необитаемымъ. У пороговъ отворенныхъ настежь буйволятниковъ поросла трава. Надъ этими опустѣлыми норами, и чтобъ придать имъ еще болѣе мрачный видъ, возвышается «кхилиса», древній, полуразрушенный христіанскій храмъ (*). Изъ его священныхъ камней Аргинцы устроили свои грязныя кротовины. Такъ, отъ порфиры царя, лишеннаго царства, рабы отрывають доскуты на заилаты къ своимъ рубицамъ. Еще цѣлы стѣны и своды алтаря. Тамъ устроена заиута и видны слѣды ночевавшихъ животныхъ. Печальное и возмущающее душу зрѣлище. Зачѣмъ пало это величественное зданіе, въ которое уложено столько труда, смысла, царскихъ сокровищъ, людскихъ жертвованій? Зачѣмъ отданъ на разрушеніе и поправіе этотъ храмъ, въ которомъ каждый камень посвященъ имени и освященъ

(*) Турки называютъ христіанскія церкви *кхилиса*. Это—испорченное греческое слово *эклесія* — церковь.

именемъ Господа? Зачѣмъ носильщикъ тяжестей, ешекъ почувуютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ преклонялся и молился первосвященникъ?... Конечно, спутники людскихъ скорбей, людскіе грѣхи поглощаютъ нравственное значеніе храмовъ, разлагаютъ и превращаютъ вещественный ихъ составъ въ первобытное безразличное состояніе. «Земля еси и въ землю пойдеши» — вотъ что говорить эти поруганныя развалины.

Тамъ же, 18 іюня.

Въ Александрополь отряжена колонна для отвоза больныхъ и для подвоза продовольствія. Отрядъ не имѣетъ ни въ чемъ нужды, не изнуряется усиленными движеніями; но люди заболѣваютъ лихорадками и поносами. Приписываютъ это быстрымъ переменамъ погоды, жаркимъ днямъ и холоднымъ ночамъ. Но опять вопросъ: отчего казаки не болѣютъ? И если солдатъ заболѣваетъ, нужно ли исключительно искать причину болѣзни здѣсь, около него? не нужно ли обратиться къ его предъидущему и даже къ прошедшему? Зародышъ, обыкновенно, не бываетъ близко къ рожденію.

Пофилософствуй, умъ вскружится.

Пойдемъ лучше съ Балабекомъ осматривать кизилчахчахскую башню. Это не древнее, но давнее и запустѣлое зданіе, на берегу Карханчай, возлѣ самой дороги. Оно имѣетъ видъ удлиненнаго четырехугольника и не имѣетъ наверху ни свода, ни крыши. Вѣтеръ нанесъ на него казацкое промятіе: «бодай тебѣ не було ни дна, ни покрывки». Оно сложено изъ цвѣтнаго, весьма тѣскаго и вѣчно свѣжаго на видъ камня, которымъ вся страна такъ богата. Судя по камнямъ, устроеннымъ въ стѣнахъ, въ башнѣ было три яруса. Надъ главнымъ входомъ отъ рѣки изсѣчена въ верхнемъ косякѣ турецкая надпись. Балабекъ, толмачъ, этнографъ, статистикъ и антикварій нашего кавалерійскаго штаба, списалъ надпись и перевелъ ее сиче:

«Открыватель дверей, всемилостивѣйшій Богъ. Всякаго съ какой либо стороны откроешь счастья. 1203 года основана сія башня. Дай строителю царство небесное. Слава Создателю. 1203 годъ.»

Балабекъ переводить не совсѣмъ гладко. Онъ носитъ красный воротникъ, потому что служилъ въ александропольской полиціи, съ жалованьемъ по три рубля пятьдесятъ копѣекъ въ

мѣсяцъ. Когда вспыхнула война, онъ почувствовалъ благородный жаръ въ своихъ жилахъ и немедленно пересѣлъ съ стараго полицейскаго табурета на стараго куцехвостаго коня. Аллахъ билуръ (Богъ знаетъ), какъ онъ ухитрился писать копій; но огнестрѣльнымъ оружіемъ дѣйствовать ему неудобно, потому что одинъ глазъ у него смотритъ къ правому, а другой къ лѣвому уху; оконечности носа ни тотъ, ни другой отъ рожденія не имѣлъ чести видѣть. Какже тутъ стрѣлять? И пикой даже не попадешь въ желаемое мѣсто. Остается одно — крошить башни-бузуковъ саблею, когда они будутъ съ правой и съ лѣвой стороны. Въ ожиданіи этого, Балабекъ состоитъ по кавалеріи въ должности толмача, весьма сложной и отвѣтственной, потому что онъ можетъ, какъ нерѣдко случается, слово «обременять» перевести на татарскій «сдѣлать беременнымъ», и къ слову укусу прибавить сначала одну согласную букву, отчего кислота острогона приметъ совершенно другой вкусъ. Да онъ же обязанъ не только сторговать горшокъ кислаго молока, но и перевести надпись на старой башнѣ, съ надлежащими комментаріями, хотя бы она была санскритская. Безъ разговоровъ! Переводи, хоть лопни! И онъ переводитъ, какъ выше значится. О, вы, служившіе на линіяхъ и въ канцеляріяхъ Кавказа, вамъ ли не знать, что толмачъ-Армянинъ перебѣжитъ и перескочитъ тамъ, гдѣ величайшій изъ филологовъ, гдѣ самъ Мецопанти увязнетъ по уши и будетъ кричать, чтобъ его вытащили назадъ!

По комментарію Балабека, такія же башни находятся и въ другихъ мѣстахъ, но берегамъ Карханчая и Карсчая, гдѣ только есть удобные переѣзды. Это были убѣжища для путешественниковъ и каравановъ, подвергавшихся разбоямъ отъ Курдовъ, Аджаръ и даже Дезинъ. Эти укрѣпленныя гостиницы сооружались частными добрыми людьми, какъ фонтаны и т. п., на пользу общую, что доказывается словами переведенной Балабекомъ надписи: «дай строителю царство небесное». Казнѣ не желаютъ царства небеснаго. Кизилчахчакская башня была обитаема до прошлой каскавической войны. Теперь она выпотрошена до чиста. Въ ней ждутъ вѣдьмы, которыхъ не видно, и аистъ, который сидитъ вонъ на самомъ верху. Аистъ, таинственная птица на востокѣ, свисаетъ гнѣздо на верху сѣверной стѣны башни. Тамъ онъ встрѣчаетъ бурю и непогоду открыто, стоя на ногахъ. Жи-

тели питаютъ къ нему уваженіе, смѣшанное со страхомъ. Если птенецъ выпадетъ изъ гнѣзда, они спѣшатъ поднять его и положить назадъ въ гнѣздо, къ крайнему неудовольствію кошекъ. Аистъ кричитъ рѣдко, по ночамъ, и крикъ его считается вѣщимъ. Въ деревнѣ, гдѣ живетъ аистъ, не случится несчастія. Еслибъ позавчера былъ онъ у насъ въ лагерь, мы не испытали бы потопы. Когда же бѣда не за горами, а за плечами, птица улетаетъ. Жители автоспасаемаго Кизилчахчаха испытали это въ минувшую зиму. Вся окрестность была отдана башни-бузукамъ на съѣденіе. Пожравъ запасы и оскорбивъ женщинъ одной деревни, они переносили свой голодъ и свое неистовство въ другую. На прощаньи съ старыми хозяевами, они брали еще денежную плату «за зубы», то есть за то, что они утруждали свои башни-бузукіе зубы, ѣвши хлѣбъ бѣдныхъ Армянъ. Каждый изъ этихъ тупейдцевъ носитъ подъ поясомъ кожаный чересъ, который онъ хочетъ наполнить какими бы то ни было способами: безъ того ему и служба не въ службу. Кизилчахчакцы очень хорошо знали глубину этихъ чересовъ и остроту зубовъ, не кушающихъ gratis. Они вооружились и рѣшились не впустить башни-бузуковъ въ свою деревню. Человѣкъ двадцать засѣли въ башню, и, какъ только башни-бузуки наворачивались въ деревню, они отгоняли ихъ выстрѣлами. Пріѣзжали и забиты (чиновники) изъ Карса, съ строжайшимъ повелѣніемъ принять постояльцевъ. Кизилчахчакцы низко кланялись, говорили: бели, бели—извольте, извольте, подносили чиновнику «кусокъ грязи» и потомъ продолжали стрѣлять по башни-бузукамъ. Аистъ не покидалъ своего жилища: это ободряло добрыхъ людей, и конецъ былъ тотъ, что деревня отстояла себя отъ ненавистнаго постояла. Всякій климатъ имѣетъ птицу-авгура, предсказывающаго погоду, и птицу добраго генія, покровительствующаго домашнему очагу. Тѣмъ и другимъ считается у насъ на казачьи ласточки. Раззорить гнѣздо ласточки грѣхъ. И какое странное подлагается за него наказаніе! Когда, бывало, вооружась хворостинами, мы штурмовали гнѣздо ласточки, чтобъ послѣ подратся за дѣлежъ крошечныхъ пльнниковъ, бабушка грозила намъ дальцемъ и говорила: «не трогайте, а то ласточка нашьлетъ на васъ веснушки». И, въ самомъ дѣлѣ, что вышло изъ насъ, грабителей гнѣздъ невинныхъ птичекъ? Вышли мальчишки съ такими цвѣтными физиономіями, какъ крапивоная бумага на переплетѣ нашихъ книжекъ.

Тамъ же, 19 іюня.

Была рекогносцировка въ честь джюмюшлинской переправы на Карсчай. Дер. Джюмюшлю лежитъ въ развалинахъ, и на ней возвышается такая же башня-гостиница, какъ въ Кизил-чахчахъ. Здѣсь берега Карсчая отлоги, хотя и очень глубоки направо и налево ущелье. Башни-бузуки рыскали по скату противоположнаго берега. Нѣсколько эскадроновъ совари (уланъ) стояли въ отдаленіи. Отсюда до турецкаго лагеря будетъ верстъ шестьнадцать. Линейцамъ было приказано перебрести рѣку, чтобы узнать, какъ высокъ бродъ. Они переѣхали не замоча саевъ. Башни-бузуки открыли огонь, но съ такого безсовѣстно дальняго разстоянія, что казаки не хотѣли и рукъ морозить — не вынимали ружья изъ чехла. Нѣкоторые рванулись было впередъ, но были остановлены — еще не прошло розговѣнья. Изъ уваженія къ собственному достоинству, совари не трогались съ мѣста.

При заходѣ солнца, мы пошли отъ Карсчая домой. Башни-бузуки расхрабрились до того, что перескочили чрезъ рѣку и провозжали насъ своими человѣколюбивыми выстрѣлами; а линейцы бывшіе назадъ, до того оплошали, что даже не оглядывались. Наложимъ-ка, братуха, трубочку, а то вишь ты какъ жарятъ. Тѣмъ вечера ложились по густой, благоухающей травѣ, между высокими холмами. Воздухъ свѣжѣлъ съ каждой минутой. После жаркаго дня дышалось привольно. Гурийцы грузинскихъ дружинъ, всегда слѣдующихъ за корпуснымъ командиромъ, пѣли свои громкія, мужественныя пѣсни. Что за могучіе голоса! громадище и выше, кажется, этихъ горъ. Ничего похожаго на тоикіе и пронзительные голоса нашихъ горцевъ сѣвернаго склона Кавказа. Не арабская, а настоящая колхидская груль.

Нашъ лагерь блисталъ въ темнотѣ тысячами огней. Собаки лаяли. Развѣзды чернѣли въ сторонѣ. Казалось, мы подъѣзжали къ станицѣ.

Тамъ же, 20 іюня.

Обѣдали у князя Я*** А***, предводителя мусульманъ; — обѣдали по-грузински, усѣвшись на коврахъ, какъ эфендіи. Высококостенный вы гость — вотъ вамъ подушка и другая: съ ихъ помощью можете сохранить ваше достоинство; а не выше маюра — добзанди, садись прямо на коверъ, сложивъ ноги ножницами. Шиторы есть? Вай, вай, духанъ нада, пошоль прошъ; садись, нѣту. Чтобы не быть смѣшнымъ въ глазахъ всего востока, ложись бокомъ, а ноги подальше, за фронтъ. Да не вѣдаютъ

каблуки, что творять зубы. Вотъ предисловіе обѣда: сыръ въ ниткахъ и въ кускахъ, соленая рыба, зеленый лукъ, зеленый бурьянъ и три ковша кахетинскаго. Потомъ уже каурма и разные ма-ма-ма и множество ковшей кахетинскаго, превосходнаго, густаго, какъ патока, чавчавадзевскаго. Ковшъ серебряный, величиною съ озеро Арпагѣль, и съ длинной ручкой, чтобы можно было возить его за поясомъ, вмѣстѣ съ пистолетомъ. На самой серединѣ дна скачетъ серебряный олень; сюда, на его рожки надобно направлять дудочку мѣшка съ виномъ, чтобы оно не брызнуло и не окрасило рукъ. Не выполнишь, мнѣ кажется, всѣхъ этихъ утонченностей, не выдержишь, когда будешь наливать самъ. Пускай брызнетъ и покраситъ руки, да только бы скорѣе окунуть и покрасить и навощить усы. Акмоди — поди сюда, прекрасный плавань, бѣлый и пирамидальный, какъ снѣжная вершина Арарата. Русскіе думаютъ, что это каша, и грабастаютъ его полную тарелку, между тѣмъ, какъ предъ каурмой строили кислыя лица и морщили свои ничтожные носы. Они не способны понять, что каурма приготовлена во вкусъ персидскаго шаха и что пилавъ передъ ней простой мужикъ-водо-возъ....

Вечеромъ князь Бебутовъ объѣзжалъ наши пикеты. Мы подѣлили теперь Карсчай съ Турками: лѣвый берегъ нашъ, правый ихъ. Князь проѣхалъ сперва нанизъ, къ Аргину и оттуда поднялся до утеса, господствующаго надъ джюмюшлинской переправой. Хочетъ ему купить этотъ товарецъ у турецкихъ базаряновъ (купцовъ): ужъ не даромъ онъ такъ его вертитъ и осматриваетъ на всѣ стороны. Товарецъ этотъ — джюмюшлинская переправа. Въ тѣ минуты, какъ мы стояли на утесѣ, турецкое солнце, гораздо больше русскаго, заходило тамъ гдѣ-то, за Арзумомъ. Глубоко у нашихъ ногъ, въ синѣющей безднѣ, изгибался Карсчай. На томъ берегу чернѣла гора Кара-огузи (Черный быкъ), оторванная ущельемъ отъ другой горы — Караяла. Турецкіе уланы развѣтывали фронтъ подъ горою, какъ будто завидѣли своего нашу. Башни-бузуки бѣсновались по скату къ рѣкѣ: одни стрѣляли или потрясали тикой надъ чалмой; другіе горлачили пѣсни. Добрые и простодушные ребята эти башни-бузуки; только имъ, должно быть, тошно стоять на пикетѣ съ суходеніемъ. Въ буйволятникъ бы куда нибудь забраться къ зажиточному Армянину.

Тамъ же, 22 июня.

Все стоимъ да стоимъ. Уже начинается зѣвота, ширину карханчайское ущелье. Пошла еще колонна въ Александропо. По небу скитаются тучи. Немногія брызжутъ дождемъ; остальные пусты какъ бочки послѣ пожара. Этотъ воздухъ между сѣрымъ небомъ и темной зеленью такой скучный и наводящій на фронтъ уныніе, что смотрѣть на бѣлый свѣтъ не хочется. Завались въ палатку и лежи по турецки. Однообразный, едва слышимый стукъ мелкаго дождя въ натянутый холстъ походнаго крова погружаетъ солдата въ сладостную, неизъяснимую дрему. Нѣтъ силъ ей противиться — словно въ банѣ, на самомъ вершнѣ немъ полкъ распарился. Не становитесь на поверхность трясинны, покрытой мягкой зеленью — она всосетъ васъ. Не ложитесь на бурку, когда мелкій дождь тихонько шепчетъ что-сквозь холстъ палатки — вы провалитесь тѣломъ и душой въ трясину лѣни....

Наступила ночь, у насъ свѣтлая и тихая, у Турокъ мрачная и грозная. Удивительныя явленія можно видѣть на этой гористой мѣстности. Надъ нашимъ лагеремъ свѣтитъ луна; за горою къ сторонѣ турецкаго лагеря, виситъ туча, сверкаетъ молнія, такъ часто, какъ будто бы батарея производила пальбу чрезъ орудіе. Тамъ должна быть сильная гроза. Еслибъ она упала на острыя шапки нашихъ измѣнниковъ: изъ мусульманъ, стоявшихъ сегодня на аванпостахъ, двадцать всадниковъ, съ однимъ векилемъ, передались къ Туркамъ. Приказано не ставить ихъ больше на аванпосты. Что же они будутъ дѣлать? Только съ колоннами ходить въ Гумри да чуреки печь на своихъ, вывороченныхъ наизнанку, сковородахъ.

У горы Карааяль, 24 июня.

Послѣ недѣльной стоянки при Кизиль-чахчахъ, отрядъ двинулся сегодня къ Карсчаю, двумя колоннами. Правая, въ которой находился весь обозъ, колесный и вьючный, потянулася съ генераломъ Кишинскимъ, прямо по верхней карсекой дорогѣ къ джюмюшлинской переправѣ; а лѣвая, налегкахъ, съ княземъ Барятинскимъ, пошла внизъ, къ деревнѣ Аргичъ и здѣсь переправилась чрезъ Карсчай. Въ этой лѣвой колоннѣ находилась большая часть кавалеріи, съ ея начальникомъ. Теченіе Карсчая очень быстро. Дно усыяно большими камнями и ямами. Волны было до самыхъ потниковъ. Переѣздъ дѣлался въ одинъ конь

дѣлался нѣсколько часовъ. Нѣсколько драгунъ, распустившихъ или затапувшихъ поводья, выкупались. Когда все перетянулось, мы начали подниматься длиннымъ изволокомъ на возвышенность и, достигнувъ ея, двинулись вверхъ противъ теченія рѣки, на соединеніе съ нашей правой колонной. Влѣво отъ насъ лежала долина, обрубленная приземистыми башь-кадыкъ-ларскискими высотами; прямо, впереди насъ чернѣла гора Карааяль, съ отдѣльной остроконечной высотой Кара-огузъ. Карааяль былъ покрытъ башь-бузуками. Часть ихъ была разсыпана у подошвы горы. Наши чапарханы (охотники изъ Татаръ и Армянъ) поскакали впередъ и ихъ задрали. По мѣрѣ нашего приближенія, башь-бузуки отдавались влѣво отъ насъ, по горѣ. Мы прошли между подошвой Кара-огузи и берегомъ Карсчая и спустились въ котловину, на днѣ которой сидитъ деревня Инжадара. Здѣсь увидѣли мы башь-бузука, прострѣленнаго въ поясницу и обораннаго донага. Солнце его пекло. Онъ приподнималъ голову и произносилъ: вай, христунъ, христунъ! Его подняли. Въ котловинѣ мы повернули отъ Карсчая налѣво и пошли въ поле; по тому направленію, какъ лежитъ Карааяль, у котораго мы находились уже съ другой стороны. Скоро мы выбрались на возвышенную поляну. Прямо впередъ и направо была открытая мѣстность, а влѣво, какъ локтемъ не тропуть, гора Карааяль. Мы находились уже верстахъ въ трехъ отъ Карсчая, прямо противъ джюмюшлинской переправы. На вершинѣ горы еще торчало нѣсколько башь-бузуковъ. Кубанская сотня поднялась; прогнала башь-бузуковъ и поставила по горѣ свои пикеты. Между тѣмъ, войска и обозы загромождали джюмюшлинскую переправу. Если бы непріятель вздумалъ что нибудь предпринять противъ нея, то мы уже были впереди, чтобъ встрѣтить его покушеніе. Но какъ со стороны турецкаго лагеря никакого движенія не замѣчалось и передовые его караулы добровольно уступили намъ свои посты, то и произнесено вождѣльное «слѣзай». Слѣзли и стали ожидать, пока джюмюшлинская колонна перетянется и подойдет къ намъ. И здѣсь совершилось событіе, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Былъ полдень. Съ самаго утра погода то и дѣло измѣнялась: словно она примѣривала всѣ свои наряды, не зная, во что именно одѣться, чтобъ прилично насъ встрѣтить, по переходѣ чрезъ нашъ Рубиконъ. То солнце выставится во всемъ своемъ блескѣ; то туча затчетъ его сѣрой паутиной; то нѣсколько лучей брызгнетъ съ боку темнаго облачка,

будто червонцы прорвали мѣшокъ и посыпались. То сдѣлалось холодно, то вдругъ прижарить, по грузински. Въ полдень не было солнца. Сѣрая, какъ дымъ, туча клубилась невысоко надъ нашими головами. Стоимъ мы съ часъ, накинувъ поводья на руку. Конь отъ скуки чешетъ переносье о плечо. Въ воздухѣ мутно и тихо. Вдругъ слышится намъ въ отдаленіи, со стороны турецкаго лагеря, глухой шумъ. Съ каждой минутой онъ слышнѣе и къ намъ ближе. Не скажутъ ли Турки отнимать у насъ мѣстность своихъ аванпостовъ? Но наши пикеты по горѣ стоятъ спокойно. Вотъ брызгнуло нѣсколько крупныхъ капель дождя, покатилось нѣсколько градинъ. Черезъ минуту налетѣла буря, градъ посыпалъ такой, какого никто отъ роду не видывалъ. Были градины крупнѣе куриного яйца. Разсказывать, такъ будетъ похоже на римскій огурецъ. Скомандовано: садись. Съ лошадей повернули коней хвостомъ къ непогодѣ, вперили усы въ гриву, но не шевелились. Буря швыряла кусками льда изо всей силы, это слава Богу, что они не падали отвѣсно. Стукнетъ въ спину или въ бокъ — ничего, думаешь самъ себя, не хватило бы только по носу. Лошади жались, фыркали и все только отматылись головой. Это жестокое градобитіе продолжалось съ четверть часа; наконецъ перешло оно въ дождь. Подняли головы, слѣзли. Начались разсказы, кому что досталось. Каждому было чѣмъ похвалиться. О, папаха! О, бурка! Еще разъ возсылаю вамъ хвалу и благодареніе: подъ вашей защитой казачество выдержало небесную картечь благополучно. Но бѣдные драгуны, чего они ни испытали! Иному надавало такихъ тумачковъ въ спину, что будетъ спиртомъ натираться; того хватило по затылку, инда волдырь вскочилъ; тому раскроило високъ до крови; того крѣпко задѣло по ногѣ; у того вогнуло гербъ или скривило шпаль на каскѣ... ну, всѣмъ сестрамъ по сержантъ.

Меньше, чѣмъ черезъ часъ, декорация въ природѣ перемѣнилась. Буря стихла, небо прояснилось и солнце пригрѣло прежней лаской. Сказано, что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Переправа у Джюмюшлю кончилась; войска соединились и стали лагеремъ между горою Караяломъ и оврагомъ Курюкь-дара, съ деревней того же наименованія. По каменистому дну оврага шумитъ потокъ прекрасной родниковой воды. Одни производятъ Курюкь-дара, и это значитъ пустой оврагъ; другіе — Курякь-дара, и тогда выходитъ лопата-оврагъ, то есть безсмыслица — и пѣтухъ на ослѣ.

Въ лагерѣ при Курюкь-дара, 25 іюня.

Караялъ, отдѣльная и какъ бы оторванная гора, лежитъ перпендикулярно къ Карсчаю, имѣя версты три протяженія и оканчиваясь, или начинаясь на самомъ берегу Карсчая громаднымъ курганомъ Кара-огузи. Въ верстѣ или больше разстоянія отъ Караяла и также перпендикулярно къ Карсчаю, лежитъ оврагъ Курюкь-дара. Чѣмъ дальше отъ Карсчая, тѣмъ онъ дальше и отъ Караяла. Въ промежуткѣ между горой и оврагомъ нашъ лагерь. Такимъ образомъ, мы огорожены съ трехъ сторонъ: сзади Карсчаемъ, слѣва Караяломъ, справа Курюкь-дарой. Въ остальную открытую сторону стелется долина, довольно ровная, по крайней мѣрѣ для глаза кажущаяся ровною. А тамъ опять горная отрасль, въ такомъ направленіи, какъ течетъ Карсчай. У ея подошвы сидятъ деревни Хаджи-вали и Суботанъ. Около этихъ деревень стоитъ турецкій лагерь. Разстоянія по долинкѣ между нашей и турецкой позиціей будетъ верста двѣнадцать. Но надобно постранствовать по этой волнистой мѣстности, чтобъ испытать, какъ равнинное пространство между двумя возвышенными точками сокращается для глаза и его обманываетъ. Дѣльно распоряжаются тѣ писатели, которые берутъ изъ этой мѣстности сравненія для человѣческихъ надеждъ и замысловъ: посмотрѣть съ горы, кажется прекрасный гладкій лужокъ, перебѣжать его можно въ какойнибудь часъ; а пойдешь, такъ камней, ухабовъ и овраговъ не оберешься и, вмѣсто часа, протратишься цѣлый день. Съ нашего Караяла турецкій лагерь открытъ какъ на ладони и кажется не дальше пяти, шести верстъ. Прямо между нами и Турками чистая и какъ будто къ нимъ покатая кладь (все-таки кажущаяся). Влѣво, къ сторонѣ Арпачая, деревни Огузлы и потомъ отъ нея въ перспективѣ, все влѣво, рядъ деревень, обозначающихся высокими черными зданіями — древними полуразрушенными церквами. Въ этой перспективѣ лежатъ три Башь-Кадыкь-Лара: верхній, средній и нижній; у верхняго, теперь къ намъ ближайшаго, мы бились съ Османлами въ прошлую осень и приобрѣли для нашей исторіи славный день башь-кадыкь-ларскій. Повернувшись теперь вправо, въ глубину Анатоли, вы видите двѣ отдѣльныя высоты Ягшы, съ широкимъ основаніемъ и острыми вершинами. Дальше за ними ничего не видно; но тамъ ужъ близко Карсъ. Выходитъ, что Турки не заблагорасудили заступитъ карсскую дорогу, а стали влѣво отъ нея. Для нихъ и для насъ Карсъ въ боку. Отъ насъ

онъ вправо, верстахъ въ сорока; отъ нихъ будетъ ближе много. Если бы мы или они пошли къ Карсу, для обоихъ было бы фланговое движеніе, или, пожалуй кто нибудь оставилъ бы своего противника въ тылу у себя. Отъ Александрополя находимся верстахъ въ тридцати-пяти. Кажется, ни мы, ни наши противники не можемъ сильно вредить сообщеніямъ съ нашими относительными базисами. На этотъ счетъ, однакожь, мы можемъ быть спокойнѣе, чѣмъ они, потому что наши сообщенія въ тылу у насъ, а ихнія въ бокъ. За то у нихъ тьмы-тьмущія конницы. И зачѣмъ они поставили башни-бузуковъ не въ ту сторону, а ихъ сообщенія—не къ Карсу, а правѣе своего лагеря, къ стороне нашего Арпачая? Не думаютъ ли посылать ихъ туда въ набѣгъ и заставить насъ держаться ближе къ нашей границѣ? Но наша граница не брошена открытою: тамъ есть донцы и милиция. Выходитъ, что надобно биться здѣсь, на этой прекрасной равнинѣ между Караяломъ и Хадживали. «Политика — политика рубатися треба». Если мы побьемъ Турокъ, Анатолія наша; если Турки побьютъ насъ, Закавказье открыто для нихъ: ни у насъ, ни у насъ нѣтъ значительныхъ силъ въ тылу. Игра, стало бытъ рѣшительная. Въ такомъ случаѣ, говорятъ, десять разъ подумай, а одинъ отрубь. Или рубь прямо, не думавши. Что же думаетъ князь Бебутовъ?

Сегодня онъ выѣзжалъ на оконечность Караяла и долго рассматривалъ турецкій лагерь. Мы съ драгунами были выдвинуты впередъ къ турецкимъ аванпостамъ, на которыхъ кишма-кишмать башни-бузуки. Какъ скоро наше движеніе было замѣчено въ непріятельскомъ лагерѣ, надъ нимъ схватилось бѣлое облачко: то былъ пушечный выстрѣлъ; но звукъ его не долетѣлъ до насъ. Должно быть, Туркамъ мы кажемся еще ближе, чѣмъ они на самомъ, потому что нашъ край поляны нѣсколько выше. Вслѣдствіе за выстрѣломъ, ихъ войска стали выходить впередъ лагеря строиться. На флангахъ мы могли различить огромныя кучи конницы. Они не на шутку строили боевой порядокъ. Но кто же станетъ затѣвать драку противъ ночи? Солнце было уже на закатѣ и обливало краснымъ свѣтомъ снѣговыя вершины Арарата и Алагатъ. Въ эти минуты они казались выше, чѣмъ днемъ. Въ продолженіе дня сидятъ сѣдые старцы, поникнувъ головою, сложивъ ноги по восточному, а въ торжественный часъ вечера встаютъ на молитву Создателю этой дивной природы...

Тамъ же, 26 іюня.

Изъ отдѣльной площадки, обойденной съ трехъ сторонъ оврагами, въ тылу нашего лагеря, устроена лагерная кладовая—вагенбургъ. Саперный баталіонъ приставленъ къ этой кладовой ключникомъ.

Послѣ обѣда была сильная гроза и лилъ дождь. Пикетъ изъ донскихъ казаковъ, стоявшій надъ Карсчаемъ, укрылся подъ скалу. Ударилъ громъ, скала дрогнула, обрушилась и задавила одного казака. Какихъ только смертей не написано на роду бѣднымъ казаченькамъ!

Вечеромъ всѣмъ войскамъ приказано изготавиться къ движенію на легкахъ. Палатки сняты, кони посѣдланы, коновязи убраны, повозки отправлены въ вагенбургъ. Ждемъ. Вотъ ужъ и полночь.

Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгаи,
Изъ коней трепетна, блѣдна
Проглядывала внизъ двурогая луна.

Да что жъ это, господа? Мы ли идемъ, или на насъ идутъ?— «Разумѣется, мы идемъ.»—«Да отчего жъ не идемъ?»—«Ожидаютъ, должно быть, какихъ нибудь извѣстій.»—«Эхъ, чортъ возьми, идти бы — холодно.»—«Да, ночи здѣсь нечего сказать....»—«Кто же вамъ сказалъ, что мы непремѣнно идемъ? Можетъ быть, Турки идутъ, и мы готовимся ихъ встрѣтить.»—«Какъ? На этой позиціи?»—«Да хоть бы и на этой позиціи: позиція крѣпкая.»—«Помилуйте, это западня. Посмотрите: налѣво гора, направо оврагъ, а сзади дѣлая пропасть; только и ходу, что изъ воротъ....»—«Изъ воротъ впередъ; только вѣдь это и нужно; чего же больше?»—«А если Турки возьмутъ Караялъ? Разстрѣляютъ подлечи, просто разстрѣляютъ; отступление невозможно.»—«Да и зачѣмъ его? На него никто и не рассчитываетъ. Но кто же позволитъ Туркамъ взять Караялъ?»—«Да, да, кто этимъ болванамъ позволитъ взять Караялъ? Что это вы выдумали?...» заговорили вдругъ и тѣ, которые до этого дремали, или думу думали. И наконецъ стало разсвѣтать. Отказъ—движенія не будетъ, посылайте въ вагенбургъ.

Тамъ же, 27 іюня.

Ночью не изволили пойдти: спать, должно быть, хотѣлось, а поутру долго дѣлали намазъ да курили чубукъ, въ прихлебку

съ кофе, и ужь насилу собрались къ половинѣ дня. Въ день у насъ ударили тревогу—Турки идутъ. Хошъ гяльды кавалерія и часть пѣхоты съ артиллеріей выдвинулись съ земь Барятинскимъ передъ лагерь и остановились у оконсти Караяла. Караялъ—нашъ посохъ: за него надобно держаться обѣими руками. Цѣлая туча баши-бузуковъ чернѣла впе-насъ. Нѣкоторые смѣльчаки приближались къ нашей цѣ-стрѣляли въ бѣлый свѣтъ, какъ въ денежку. Позади баши-бузуковъ пряталась въ лошадѣ регулярная кавалерія съ артил-еріей. Она была замѣчена съ оконечности Караяла, откуда къ Барятинскій наблюдалъ за движеніями непріятели. Но не-пель двигался только до той минуты, пока мы не выдвинул-ему навстрѣчу. Теперь онъ стоялъ и думалъ. Мы тоже счит-достаточную ту встрѣчу, какую уже сдѣлали, и дальше не ш-Казалось, одна сторона говорила: боюрь—пожалуйте: вотъ всѣ здѣсь; а другая отвѣчала: пѣтъ, карданшъ, падуешь—въ л-уйдешь. И такъ наступилъ вечеръ. Турки начали удалятьс-исчезать въ синеватой вечерней мглѣ. Наши драгуны, съ пѣ-той и артиллеріей, отошли назадъ въ лагерь. Начальникъ кав-алеріи, съ казаками и милиціонерами, оставался на мѣстѣ, поздняго часа ночи. Вечеръ былъ тихій; луна скользила чела-комъ по легкой зыби облаковъ. Перепелъ кричалъ въ травѣ. И-закъ лежалъ на холодной турецкой землѣ, и крылатая мы-уносила его за тридевять земель, въ тридесатое государство.

О чемъ ты думаешь, казакъ?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!

Тамъ же, 28 июня.

Поутру князь Бебутовъ, съ драгунами и казаками, обо-валъ мѣстность вправо отъ лагерь, къ сторонѣ Карса. Небо-де сѣро; земля была зелена какъ зарядный ящикъ, только-покрашенный: такъ ярко выступала зелень въ сѣромъ воздухѣ. Окрестность звучала пѣніемъ птичекъ, спрятавшихся въ трав-и, казалось, долины пѣли. Въ другое время сказалъ бы: оча-ваніе! Но все прекрасное и чарующее въ природѣ никуда не-лится, когда спотыкается копь. Эти роскошныя долины усѣ-не одними поющими птичками, но и молчаливыми камнями, торыхъ также изъ травы не видно. Это настоящіе камни-пр-

кновения для конницы. Наши простодушные маштаки не могутъ еще привыкнуть подозрѣвать ихъ и подбирать ноги по куртин-ски. Если бы лошади могли насмѣхаться надъ неопытностію од-нѣ другихъ, то нашимъ добрымъ и честнымъ конямъ не было бы прохода отъ баши-бузуцкихъ козловъ.

Мы проѣхали версть семь отъ лагерь. Вдали маячили баши-бузуки. Огромный оврагъ, впадающій въ Карсчай, перерѣзалъ намъ дорогу и положилъ предѣлъ рекогносцировкѣ. До этого оврага мы будемъ высылать пикеты и фуражировать.

Изъ турецкаго лагерь выбѣжали къ намъ два баши-бузука и одинъ лекарь, Грекъ. По рассказамъ послѣдняго, вождѣльное здоровье нашихъ противниковъ въ опасномъ положеніи. Идите, говорятъ, чего вы стоите? Они разбѣгутся при одномъ вашемъ появленіи... Но *Greco fides nulla*, говорили еще римскіе солда-ты. Наши смотрятъ на этого Грека, какъ на подосланнаго шпи-она, и то можетъ быть правда. Русскому человѣку далъ Богъ чутье противъ тѣхъ, кто его надуть хочетъ, и этого гостя съ его спутниками рѣшено, говорятъ, отправить подальше.

Тамъ же, 29 июня, день Петра и Павла.

Полковой праздникъ въ двухъ полкахъ: Тверскомъ Драгун-скомъ и Эриванскомъ Карабинерномъ. Какъ справлять два раз-ные праздника въ одной семьѣ? Полковые командиры согласи-лись бросить жребій, на чьей улицѣ быть празднику сегодня и на чьей по празднеству завтра. Жребій выпалъ въ пользу пѣхо-ты, и въ Эриванскомъ полку былъ лукулловскій обѣдъ, съ пи-рожнымъ, съ шампанскимъ, съ ура, съ пѣсней и даже со льдомъ, привезеннымъ въ торокѣ отъ осиротѣвшаго Гросса. Да, осиро-тѣлъ онъ, нашъ добрый, чадолюбивый Гроссъ. Увяли розы на его обширныхъ ланитахъ. Печальное безмолвіе воцарилось въ его шумныхъ чертогахъ. Они затворились, когда отворился храмъ Януса. Холодный пепелъ лежитъ на угасшемъ очагѣ; черный крепъ покрываетъ бильярдъ; крапива пробивается на дорожкѣ въ погребъ. Онъ думаетъ о насъ днемъ, мечтаетъ ночью. При видѣ нашихъ росписокъ, онъ дѣлается чрезвычайно чувстви-тельнымъ, челоѣколюбивымъ и искренно желаетъ намъ долго-лѣтія. Никто горяче его не можетъ желать нашего возвраще-нія. Или сей, или на семь! Этотъ спартакскій девизъ слѣдовало бы ему помѣстить на выѣскѣ, изображающей его дородную, красную личность. Пусть тамъ, гдѣ нибудь, въ Кольванскомъ

увздѣ, бьется для насъ нѣжное или доброжелательное сердце, не подниметь больше одного, двухъ-трехъ человекъ. И какая же ужасная даль! Но здѣсь вблизи, на самомъ краю отечества, бьется сердце, не знающее числа и вѣса: въ немъ помѣщаемся всѣ, всѣ съ нашими выюками, эскадронами, ротами, ротами и батареями...

Наши праздничные обѣды, какъ и будничныя кашни, приготавливаются на удобосгораемыхъ развалинахъ турецкихъ жилищъ. Въ краю совершенно безлѣсномъ, мы вынуждены разбирать дрова буйволятники селеній, брошенныхъ жителями. То же делаютъ и наши противники. Разобрать буйволятникъ кажется труднѣе, чѣмъ его построить. Надобно имѣть дѣло съ огромными бревнами, погребенными подъ землей. Сегодня, при разборе деревни Курюкъ-дара, одинъ драгунъ ушибленъ бревномъ въ смерть.

Сами жители отапливаются кизякомъ. Его приготавливаютъ дѣломъ и къ осени складываютъ большими пирамидами, окрѣпленными буйволятниковъ. Бока пирамидъ обдѣлываются тѣмъ же веществомъ, изъ котораго дѣлается кизякъ: такимъ образомъ, складывается футляръ, который держится, пока все содержаніе не будетъ изъ него повытаскано, а тогда, до дошедшей къ нему очереди, и самъ онъ сгоритъ. Это единственное добро, котораго здѣшній житель не боится держать на поверхности земли. Остальное, одушевленное и неодушевленное, подъ землей. Новый хлѣбъ хранится въ особыхъ ямахъ, которыя заранѣе выкопаны такъ искусно, что одно только казацкое чутье способно открывать ячменные клады. Кизячныя пирамиды, густо чернѣющія между могилами насыпями буйволятниковъ, нерѣдко кажутся издали неприятельскимъ войскомъ: такъ вотъ и предпологается, что деревня наводнена башни-бузуками. Держи гора востро, станичникъ: какъ разъ обмшнулисься.

Тамъ же, 30 июля.

Утро застало насъ съ начальникомъ кавалеріи на вершинѣ Карада, у самаго крайняго пикета на мысу. Прозрачный утренній воздухъ чрезвычайно приближалъ предметы. Вотъ онъ, неприятельскій лагерь, — только голосовъ не слышно. Большой лагерь стройно расположенъ у самой подошвы хадживалийскаго холма. Впереди и вправо отъ него разбросаны, какъ ни подаются, башни-бузукскій станъ. Палатка отъ палатки на полверсты, и между ними пасутся кони. Это старый востокъ, а тотъ новый. Б

ши-бузукскіе пикеты вотъ они, у нашихъ почти ногъ. Кто на конѣ, кто сѣвъ; кто разбѣзжаетъ, кто стоитъ на мѣстѣ. Имъ досталась мѣстность, очень невыгодная для передовыхъ карауловъ, поляна, подвластная нашей мѣстности. По этой ли причинѣ, или по своему обычаю, они не выставляютъ ведетовъ, а держатъ пикетъ толпою, сколько есть людей въ артели. Говорятъ, что они никогда не разсѣдываютъ и не разнуздываютъ лошадей. Первое можно приписать лѣни, а послѣдному трудно повѣрить, хоть, дѣйствительно, лошадь можетъ кормиться неразнузданная. Шальвары у нихъ, у всѣхъ почти, бѣлые, — по модѣ ли это, для прохлады ли, или такъ отъ бѣдности?

Едва солнце поднялось, какъ впереди турецкаго лагеря начали показываться тѣни. Тѣни дѣлались все чернѣе и больше; наконецъ онѣ протянулись отъ одного крыла лагеря до другаго. Сперва онѣ стояли неподвижно, потомъ начали двигаться и двигались долго. Мы заключили, что войскамъ дѣлается смотръ или ученье, и отправились къ Тверцамъ на праздникъ, перешедши, по волѣ судьбы, со вчерашняго дня на нынѣшній. Прѣзжаемъ къ высокимъ бѣло-полотнянымъ палатамъ (только буква одна дѣлаетъ разницу между нашими и городскими чертогами). Князь Бебутовъ прѣехалъ передъ нами. Вся сводная драгунская бригада въ сборѣ. Славная семейка и славный у нея батюшка, графъ А. Е. Ниродъ. Столы совсѣмъ готовы. Уже произнесено приглашеніе пить водку, какъ вотъ несетъ Линеица съ донесеніемъ, что вся турецкая сила валитъ прямо къ нашему лагерю. Съ горько обманутымъ аппетитомъ, вскочили мы опять на коней и поскакали къ аванпостамъ. Всѣ линейные казаки были уже внѣ своего, ближайшаго къ полю, лагеря и шли впередъ. Они шли благородно, добрымъ строемъ, съ распущенными сотенными значками. Пусть васъ Богъ благословляетъ, пусть васъ Царь жалуетъ, воинственные берега Кубаини и Терека, воспитавшіе такое войско, для чести русскаго оружія! Нѣтъ въ этомъ войскѣ людей, которые говорили бы, что наше дѣло урвать какъ нибудь съ боку, съ тылу, а не то, такъ и стрелка дать, которые изъ одного животолубія поддерживали бы странное мнѣніе, что казаковъ нельзя употреблять въ дѣло наравнѣ съ другой легкой кавалеріей. А что жъ они глиняные развѣ? И начальнику, въ горячую минуту, есть развѣ досугъ наводить справку и отбирать показаніе: можно ли васъ, братцы, пустить въ эту минуту, или подождете? Мы, Кавказцы, подобныхъ мнѣній не понимаемъ и въ подобныхъ пра-

вилахъ не воспитывались. По нашему, назвавшись грибомъ, лѣзай въ кузовъ, гдѣ бы ни пришлось, какъ бы ни пришлось. Показывать спину неприятелю — промаше дѣло и такой же стыдъ для казака, какъ и для гусара. Что изъ того, что нешься цѣль: какая польза для службы, честь для себя? По нашему, досталось идти въ дѣло, мы и идемъ добрымъ строемъ не баши-бузуками, идемъ безъ задней мысли, и къ молитвѣ: бави насъ отъ лукаваго, прибавляемъ изъ самой глубины сердца: избави насъ отъ смерти въ спину. Побили мы — слава Богу; не побили — такъ и у нихъ рыло въ крови, и на другой разъ будутъ знать, что насъ бить не шутку шутить. А что изъ того, что давать стрелка? Это одно баловство, и стоитъ только разъ себя его позволить, то такъ ужъ и пойдутъ все одни стрелки да ухаживанья. За этимъ добромъ нечего и на войну ходить. Зачѣмъ придавать духу неприятельской конницѣ и заставлять говорить себя съ пренебреженіемъ? Общественное мнѣніе военное еще страшнѣе, чѣмъ общественное мнѣніе гражданское, потому что оно всегда истиннѣе и безпристрастнѣе. Не укроютъ отъ него никакіе хартіи и подвиги предковъ...

Полкъ Камкова шелъ полемъ отъ оврага Курюкъ-дара; сотни Скобелева шли подъ Караяломъ. Тамъ Терекъ, здѣсь Кубань. И Кубань и Терекъ неслись широкой казацкой рысью, и въ удивительномъ строевомъ порядкѣ. Выскакавъ впередъ Караяла, мы увидѣли прямо противъ себя большую неприятельскую колонну. Впереди, для страха, валили баши-бузуки. Это чадра (которою оттоманская армія всегда изволила завѣшиватьсь). Ей стыдно показывать лицо: она восточная ханумъ, барыня. Какъ скоро мы выставились въ концѣ Караяла, у неприятеля все остановилось. Былъ онъ отъ насъ верстахъ въ двухъ. Разсыпавшись наѣздниковъ отъ Скобелева до Камкова, на протяженіи болѣе версты, съ резервомъ посрединѣ, мы тоже остановились и ожидали приказаній. Къ намъ шли драгуны и нѣсколько батальоновъ пѣхоты съ артиллеріей. Вдругъ правая половина неприятельской колонны занавѣски заволновалась: толпа баши-бузуковъ, съ неуклюжимъ крикомъ «гала» (впередъ, — нѣкоторые думаютъ, что это «алла»), устремилась на Караялъ. Хоперская сотня, съ молодцомъ Фисенкомъ, бросилась туда же, встрѣтила баши-бузуковъ на полугорѣ и поднесла имъ такого толчка, что они

удрали назадъ еще съ большей быстротою. Хоперцы положили на мѣстѣ трехъ наѣздниковъ. Одинъ изъ нихъ, очень хорошо одѣтый и вооруженный, имѣлъ лицо больше славянское, чѣмъ куфическое. На немъ были красные чоботы, въ какихъ обыкновенно малюютъ Запорожцевъ въ Екатеринославской губерніи. Въ карманахъ у него были бумаги: по всему видно, что былъ чиновникъ. Такъ какъ онъ еще дышалъ, то казаки взяли его на коня. Отъ него сильно несло ромомъ: передъ боемъ посоветовался бѣднякъ съ бутылкой — не нашелъ лучшаго совѣтника... Между тѣмъ, къ намъ подошли войска, и мы были уже въ боевомъ порядкѣ, упершись лѣвомъ плечемъ въ оконечность Караяла. Турки стояли на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанные. Мы тоже не рѣшались, не спросясь броду, лѣзть въ воду. Въ этомъ совершенно одинаковомъ съ прежнимъ движеніи Турокъ мы могли видѣть ихъ желаніе, чтобъ мы открыли Караялъ. Мы не хотѣли сдѣлать имъ угоднаго. Они надулись и продолжали стоять. Этотъ постой, за который, говорятъ, денегъ не платятъ, можетъ быть, и кончился бы дракой, еслибъ небо не вмѣшалось и не розлило обѣихъ сторонъ холодной водой. Пока наши громы на колесахъ молчали, грянулъ громъ въ воздушныхъ пространствахъ, и холодный дождь полилъ какъ изъ ведра. Совѣстно было бы вторить грозному голосу неба нашимъ хлопучками. Турки стояли еще съ часъ и подъ дождемъ. Видно было, что Караялъ манилъ ихъ какъ лакомое блюдо съ пилавомъ. Да какъ изъ-за него биться мокрымъ? и пѣтухи мокрые не дерутся. Вслѣдствіе того глубокомысленные наши противники рѣшили, что Караялъ

На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зелень — ягодики нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь...

и повернули назадъ къ своему лагерю. Наша колонна сдѣлала тоже. Послѣдніе и болѣе всѣхъ мокрые возвратились въ лагерь мы съ А. Ф. Бѣдные наши шатры пробило дождемъ насквозь. Мы нашли въ нихъ грязь. Въ палаткѣ грязь; въ сапогахъ вода; Турки занимаютъ одной только пригонкой, а дѣла не дѣлаютъ — печальное положеніе!

Наступилъ вечеръ, мокрый, холодный, раскисшій, никуда негодный. Да что за бѣда! Въ палаткѣ блеститъ и шумитъ самоваръ. Добрый другъ Эстатіи рассказываетъ свои молодыя по-

(*) Женское покрывало.

хождения. Мокрый холщевый кровъ кажется уже гаремомъ убраннымъ розами, надушеннымъ ароматами. Дождь уже льетъ, а сѣть какъ сквозь сито. Онъ робко стучитъ въ холстъ такъ робко, какъ, бывало, малолѣткомъ стучишь въ окошко дѣвчины, а самъ все оглядываешься — не потянулъ бы сзади по спинѣ десятникъ. Но этотъ неусыпный стражъ, тамъ, далеко гдѣ-то дразнить сквозь плетень собакъ своей длинной палкой. Военная жизнь! сколько золота отсыпало бы богатое пресыщеніе за твои впечатлѣнія! Но они непродажныя...

ЕСАУЛЪ.

(Продолженіе будетъ.)